

Сказка Туве Янссон

" В конце ноября "

Глава 5

Хемуль просыпался медленно, он узнавал сам себя и хотел быть кем-нибудь другим, кого он не знал. Он чувствовал себя еще более усталым, чем в тот момент, когда ложился, а ведь сейчас начинался новый день, который будет длиться до самого вечера, а за ним пойдет еще день, еще и еще, и все они будут похожи друг на друга, как дни хемуля.

Он заполз под одеяло, уткнулся носом в подушку и подвинул живот на край кровати, где простыня была прохладная. Потом широко раскинулся, так что занял всю кровать, и ждал, когда к нему придет приятный сон. Но сон не приходил. Тогда он свернулся и стал совсем маленьким, но это тоже не помогло. Он попробовал стать хемулем, которого все любят, потом бедным хемулем, которого никто не любит. Но он по-прежнему оставался хемулем, который, как ни старался, ничего хорошего толком сделать не мог. Под конец он встал и натянул брюки.

Хемуль не любил раздеваться и одеваться, это наводило его на мысль, что дни проходят, а ничего значительного не происходит. А ведь он с утра до вечера только и делает, что руководит и дает указания. Все вокруг него ведут жизнь бестолковую и беспорядочную; куда ни глянь, все надо исправлять, он просто надорвался, указывая каждому, как надо вести себя и что делать.

"Можно подумать, что они не желают себе добра", – с грустью рассуждал он, чистя зубы. Хемуль взглянул на фотографию, на которой он был снят рядом с парусной лодкой. Этот красивый снимок, сделанный в день спуска парусника на воду, еще больше опечалил его.

"Надо бы научиться управлять лодкой, – подумал он, – но я вечно занят..."

Внезапно ему пришло в голову, что он занят всегда лишь тем, что переставляет вещи с одного места на другое или указывает другим, как это делать. И он подумал: "А что будет, если я перестану этим заниматься?" "Ничего не будет, найдутся желающие на мое место", – ответил он сам себе и поставил зубную щетку в стакан. Эти слова удивили и даже немного испугали его, и по спине у него поползли мурашки, точь-в-точь как в новогоднюю полночь, когда часы бьют двенадцать. Через секунду он подумал: "Но ведь надо же научиться управлять лодкой..." Тут ему стало совсем плохо. Он пошел и сел на кровать. "Никак не пойму, – подумал он, – почему я это сказал. Есть вещи, о которых нельзя думать, и вообще, не надо слишком много рассуждать".

Он отчаянно пытался придумать что-нибудь такое, что разогнало бы утреннюю меланхолию. Он думал, думал, и постепенно в голове его всплыло приятное и неясное воспоминание одного лета. Хемуль вспомнил Муми-дален. Он был там ужасно давно, но одну вещь он отчетливо запомнил. Он запомнил южную гостиную, в которой было так приятно просыпаться по утрам. Окно было открыто, и легкий летний ветерок играл белой занавеской, оконный крючок медленно стучал по подоконнику... На потолке плясала муха. Не надо было никуда спешить. На веранде его ждал кофе. Все было ясно и просто, все шло само собой.

В этом доме жила одна семья. Всех их он не помнил. Помнил только, как они неслышно сновали туда-сюда, и каждый был занят своим делом. Все были славные и добрые – одним словом, семья. Отчетливей всего он помнил папу, папину лодку и лодочную пристань. И еще – как просыпался по утрам в хорошем настроении.

Хемуль поднялся, взял зубную щетку и положил ее в карман. Плохое настроение и дурное самочувствие улетучилось, теперь он был совсем другим хемулем.

Никто не видел, как хемуль ушел – без чемодана, без зонта. Не сказав до свидания никому из соседей.

Хемуль не привык бродить по лесам и полям и поэтому много раз сбивался с пути. Но это вовсе не пугало и не сердило его.

"Раньше я ни разу не сбивался с пути, – весело думал он, – и никогда не промокал насквозь!" Он размахивал лапами и чувствовал себя так же, как в той песне, где хемуль прошел тысячи миль под дождем и чувствовал себя одичавшим и свободным. Хемуль радовался! Скоро он будет пить горячий кофе на веранде.

Примерно в километре к востоку от Муми-дален протекала река. Хемуль постоял на берегу, задумчиво глядя на темные струи, и решил, что река похожа на жизнь. Одни плывут медленно, другие быстро, третьи переворачиваются вместе с лодкой.

"Я скажу об этом Муми-папе, – серьезно подумал он, – мне кажется, мысль эта абсолютно новая. Подумать только, как легко приходят сегодня мысли, и все кажется таким простым. Стоит только выйти за дверь, сдвинув шляпу на затылок, не правда ли? Может, спустить лодку на воду? Поплыть к морю... Крепко сожму лапой руль... – и повторил: – Крепко сожму лапой руль..." Он был бесконечно, до боли счастлив. Затянув потуже ремень, он пошел вдоль берега.

Долина была окутана густым, серым, мокрым туманом. Хемуль прошел прямо в сад и остановился удивленный. Что-то здесь изменилось. Все было такое же, как раньше, и не такое. Увядший лист покружился и упал ему на нос.

"Чепуха какая-то! – воскликнул Хемуль. – Ах да, сейчас ведь вовсе не лето, правда? Сейчас осень!" А он всегда представлял себе лето в Муми-дален. Он направился к дому, остановился возле лестницы, ведущей на веранду, и попробовал вывести тирольский йодль. Но у него ничего не вышло. Тогда он закричал: "Хи! Хо! Поставьте кофейник на огонь!"

Ответа не было. Хемуль снова покричал и снова подождал.

"Сейчас я подшучу над ними", – решил он. Подняв воротник и надвинув шляпу на глаза, он взял грабли, стоявшие у бочки с водой, угрожающе поднял их над головой и проревел:

– Отворите, именем закона! – и, сотрясаясь от смеха, стал ждать.

Дом молчал. Дождь припустил сильнее, дождинки все капали и капали на напрасно ожидавшего хемуля, и во всем доме не было никаких других звуков, кроме шороха падающего дождя.